

DOI: <https://doi.org/10.32653/СН1941110-1123>

Исследовательская статья

Осмаев Аббаз Догиевич

д.и.н., главный научный сотрудник

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Грозный,
Россия

osmaev@mail.ru

Горюшина Евгения Михайловна

к.полит.н., научный сотрудник

Центр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ)

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

egoryushina@hse.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ ТАЙПОВ/БРАТСТВ В ПОСТКОНФЛИКТНОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. В статье анализируется формирование коллективной памяти в чеченском тайпе. Цель – анализ основных механизмов этого процесса. Изучены особенности формирования тайповой идентичности и сохранения традиций в условиях постконфликтного развития Чеченской Республики. В исследовании использовался контент-анализ 24 источников, касающихся чеченских тайпов. Объектом исследования выступает коллективная память тайпа, претерпевшего кардинальные изменения ещё в Позднее Средневековье – первой половине XIX в., но сохраняющегося как устойчивый маркер чеченской идентичности. Предмет исследования – механизм создания, изменения и передачи коллективной памяти внутри тайпа. Процесс формирования коллективной памяти тайпа базировался в прошлом преимущественно на устных источниках. Отмечено, что в результате депортации 1944 г. и политического кризиса конца XX – начала XXI в. тайпы потеряли большую часть традиционной материальной культуры, частично или полностью были оторваны от мест своего проживания. В период постконфликтного восстановления Чеченской Республики вновь возникает интерес к истории тайпа, его генеалогии, роли в повседневности чеченского социума. Если ранее было достаточно устных источников для ретрансляции этих знаний, то теперь общественный спрос обусловил рост числа научных и публицистических публикаций. Институционализация коллективной памяти тайпа в современном чеченском обществе осуществляется посредством издания книг, очерков, статей о его истории, создания интернет-сайтов, групп в социальных сетях, а также с помощью возрождения родовых башен и сел, покинутых в 1944 г. Для укрепления тайповой идентичности между его представителями используются современные средства коммуникации, позволяющие поддерживать связь независимо от региона или страны проживания.

Ключевые слова: коллективная память; группа; тайп; институционализация; Чеченская Республика; кризис; постконфликтный период

Для цитирования: Осмаев А.Д., Горюшина Е.М. Институционализация коллективной памяти тайпов/братств в постконфликтной Чеченской Республике // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 4. С. 1010-1123. doi.org/10.32653/СН1941010-1123

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1941110-1123>

Research paper

Abbaz D. Osmaev,
Dr. Sci., Chief Researcher
H.I. Ibragimov Complex Research Institute of RAS, Grozny, Russia
osmaev@mail.ru

Evgenia M. Goryushina,
Cand. Sci. (Politics), Researcher
Center for Comprehensive European and International Studies (CCEMI),
Higher School of Economics, Moscow, Russia
egoryushina@hse.ru

INSTITUTIONALIZATION OF TAYP'S COLLECTIVE MEMORY IN THE POST-CONFLICT CHECHEN REPUBLIC

Abstract. This article discusses the formation of collective memory within Chechen tayps, focusing on the underlying mechanisms of this process. It investigates the development of tayp identity and the preservation of traditions in the post-conflict era of the Chechen Republic. The study employs content analysis of 24 sources related to Chechen tayps. The objective is to explore the collective memory of tayps, which underwent significant changes from the Late Middle Ages to the first half of the 19th century, yet remains a steadfast marker of Chechen identity. The subject of investigation is the mechanism of creating, altering, and transmitting collective memory within a tayp. Historically, the formation of tayps' collective memory relied heavily on oral sources. However, as a result of the deportation of 1944 and the subsequent political crisis in the late 20th and early 21st centuries, tayps experienced substantial loss of their traditional material culture and were partially or completely disconnected from their original places of residence. During the post-conflict restoration period of the Chechen Republic, there has been a renewed interest in the history, genealogy, and societal role of tayps. While oral sources were previously sufficient for transmitting this knowledge, the growing public demand has led to an increase in scientific and journalistic publications. The institutionalization of tayp's collective memory in modern Chechen society is achieved through the publication of books, essays, and articles about its history, the establishment of internet sites and social media groups, as well as the revival of ancestral towers and villages abandoned in 1944. To strengthen the tayp identity among its members, modern communication tools are utilized, enabling them to maintain contact regardless of their geographical location or country of residence.

Keywords: collective memory; group; tayp; institutionalization; Chechen Republic; crisis; post-conflict era

For citation: Osmaev A.D., Goryushina E.M. Institutionalization of Tayp's Collective Memory in the Post-Conflict Chechen Republic. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N.4. P. 1095-1109. doi.org/10.32653/CH1941095-1109

В периоды политических кризисов возрастает значимость прошлого, которое в такие моменты «возвращается с удвоенной силой» [1]. Многочисленные кризисы и трансформации второй половины XX в. вызвали интерес к «коллективной памяти», возникновению всеобщей «жажды памяти» [2].

Поскольку коллективная память не линейна, и современная реальность формирует восприятие прошлого [3], она реконструируется, изменяется, чаще акцентируется на положительном, игнорируя спорное и не комплементарное.

Особую значимость тема памяти приобретает в обществах, переживших распад репрессивных режимов. В подобных социальных контекстах апелляция к прошлому связана, в первую очередь, с попытками поиска новых оснований коллективной (само-) идентификации.

Существование коллективной памяти возможно благодаря инструментам сохранения и трансляции последующим поколениям. Основные практики сохранения, как правило, подразумевают различные форматы нарратива: мемуары, документалистику, художественные произведения, контент в интернете. Поскольку к ней обращается значительное количество людей, коллективная память может быть искажена и подвергнута различного рода манипуляциям.

Коллективная память о прошлом, по мнению Я. Ассмана, бывает двух типов: коммуникативная («память поколений», предмет устной истории) и культурная [4, с. 50]. К первой доступ открыт всем, а культурная память невозможна без так называемых «хранителей» – шамана, сказителя, в настоящее время – историка, писателя, артиста, художника и др. Ей необходимы официальная традиция (посредством учебников, памятников и т.п.), опора на миф, ритуал, обычаи и обряды, закрепление в институциональных формах: в официально утверждаемых праздниках и годовщинах, гимнах, национальной символике [4, с. 50]. «Что нам нельзя забывать?» – вот вопрос, который стоит в центре внимания группы, когда она определяет идентичность и самовосприятие.

Наряду с этим носителем всякой коллективной памяти является группа, ограниченная в пространстве и времени. Поэтому авторы данного исследования рассматривают тайп в качестве неформального института, обладающего функционалом одновременно коммуникативной и культурной памяти. Тезис о том, что тайп – неформальный институт коллективной памяти, может быть рассмотрен сквозь призму неоинституционализма.

В институциональной среде коллективная память оказывается тесно взаимосвязанной с другими неформальными институтами – обычаями, привычками и традициями. Институциональная теория рассматривает обычай как вид социального принуждения. Привычка же представляет собой правило поведения, выполнение которого основано на рационализме и представляет собой приобретение склонности к определенным видам и способам реакции. В частности, традиции в патерналистских обществах способны обладать большей значимостью, чем правовая норма, установленная государством. Это явление наблюдается в современном постконфликтном чеченском обществе.

Одной общей чертой для неформальных институтов выступает отсутствие четкой регламентации их функционала, социальных ролей, методов и средств деятельности, а также санкций за отклонение в поведении. В совокупности всё обозначенное выше подменяется неформальным регулированием с помощью привычек, обычаев

и традиций (и социальных норм). Вместе с тем неформальный институт выполняет определенные регулятивные функции, в большинстве случаев оказывая куда большее влияние, нежели формальное правило.

Чрезвычайно важными в русле размышления о том, что чеченский тайп функционирует как неформальный институт, оказываются исследования политологов-компаративистов Г. Хелмке и С. Левитски. Они полагают, что те ученые, которые не принимают во внимание подобные неформальные правила игры, «рискуют упустить многие основополагающие стимулы и ограничения, лежащие в основе политического поведения» [5, с. 725]. Новаторством Хелмке и Левитски стало то, что они выявили существующие проблемы в области изучения неформальных институтов, среди которых игнорирование многими учеными причин и механизмов их возникновения, а также особенностей и проявления устойчивости и трансформации неформальных институтов [5, с. 726].

Можно утверждать, что чеченский тайп не существует как формальный институт современной социальной структуры. Несмотря на это, тайп продолжает занимать значительное место в жизни чеченского общества. При этом во время депортации самоидентификация с тайпом была снижена, в большей степени актуализировалась принадлежность к чеченскому и ингушскому народам. Сохранение чеченского тайпа как неформального института (носителя коллективной памяти), вероятно, обусловлено следующими причинами:

выполнение тайпом защитных функций на протяжении веков;

доминирующая роль традиции, обязывающей знать предков и родство;

сохранение символической роли тайпа в качестве комплементарной структуры чеченского социума, где преобладают представления о наличии свободы, справедливости, равенства.

Проблеме социальной организации чеченского общества посвящено множество исследований. Однако до сих пор не была проведена их научно-исследовательская экспертиза на предмет корректности методологии и достоверности описаний. Анализ содержания существующих по теме источников позволил выявить, что значительное место среди них занимают публикации, где отсутствует унифицированное определение понятия «тайп».

В трудах исследователей конца XIX – начала XX в. чеченский тайп дефинировался как фамилия, род, колено, родовая группа, племя, тохум/тукхум, клан, братство. Доминировала официальная точка зрения, согласно которой тайп по своей социальной сущности тождествен роду, и что общественный строй чеченцев базировался на патриархально-родовых отношениях.

Кавказовед Б.К. Далгат на рубеже XIX–XX вв. писал о чеченском тайпе не как о родовом институте, а как о братстве – форме социальной организации чеченцев в период традиционного общества [6]. Советский государственный и партийный деятель, писатель и поэт М.А. Мамакаев назвал его родом, отметив, что после XVI в. он не «был уже архаическим родом, каким был у ирокезов» [7], исследователь А.А. Усаев полагает, что тайп – историческое общество [8], этнограф Л.М. Гарсаев, в одном, случае пишет, что тайп – этническое общество [9], в другом, – в соавторстве с Ш.А. Гапуровым, – историческое общество [10], философ А.А. Манкиев видит тайп в качестве старочеченской социальной организации [11], ученые И.В. Сайдаев и М.М. Ибрагимов употребляют термин «род (тайп)» [11; 13], исследователь З.А. Тесаев расширяет рамки и отождествляет его с общиной [14], филолог Н.Н. Альбеков [15], юрист Д.Х.

Сайдумов [16], исследователь А.А. Абумуслимов [17] ограничиваются использованием термина тайп, не давая ему определения. Политолог А.М. Сайдарханов видит в тайпе не просто особый тип местных сообществ, но и указывает на то, что он образован с помощью родственных семей [18], юрист В.А. Адуев подчеркивает, что это сельская (аульная) территориальная община [19]. Историк С.А. Натаев дает тайпу следующее определение – «это не классический род, а братство – ассоциация родственных и неродственных (социальных групп), объединенных едиными социальными, экономическими интересами и мифологическим родством (тайповое родство не совсем правильно называть мифологическим – авт.)». [20]. Социолог С.Ш. Жемчураева отмечает, что в настоящее время институт тайпа утратил свои социальные функции и является братством, основанным на мифической памяти. Он не обладает реальными социальными функциями, но выполняет функции родственной солидарности, а в иерархии идентичностей респондентов тайповая идентичность существенно уступает религиозной, семейной и этнической идентичностям [21]. Авторы полагают, что память тайпа вовсе не мифическая, а родственная солидарность – вполне социальная функция. Этнолог Л.М. Ильясов считает, что чеченский тейп (он употребляет именно такое написание термина – авт.) – «это классическая самоуправляемая территориальная община, состоящая из одного или нескольких сел и делегировавшая часть своих полномочий ассоциациям более высокого уровня», и что к концу XIX в. «чеченский тейп, исчезает как социальный институт». Он же отмечает, что тайповая память важна в воспитании современной чеченской молодежи, потому что «в недрах тейповой демократии сложилась великая нравственная культура чеченцев» [22, с. 178, 183, 184].

Какое бы определение не давалось тайпу учеными, нет сомнения в том, он как явление сохраняется в чеченском обществе, не являясь чем-то застывшим и неизменным на протяжении времени. Претерпевая изменения, тайп продолжает существовать, выйдя далеко за пределы родовых сел в горах, являясь одним из способов (само-)идентификации чеченцев, хотя, возможно, и не определяющим. Члены тайпа могут занимать различные политические позиции, даже находиться по разные стороны в вооружённом конфликте, проживать в разных населенных пунктах и районах республики, странах, говорить на различных диалектах чеченского языка, но принадлежность к тайпу устойчиво сохраняется.

Как и любая социальная группа тайп обладает коллективной памятью, которая сохраняется, транслируется, в том числе, и с помощью современных средств коммуникации. На протяжении длительного времени коллективная память в тайпе поддерживалась путем устной передачи информации. Однако уже в средние века наблюдается тенденция ведения записей о наиболее значимых событиях, генеалогии – так называемые тайповые тептары (тетрадь, журнал – чеч.), большинство которых были уничтожены во время выселения 1944 г., утеряны в периоды общественных кризисов.

Активизация создания, сохранения, ретрансляции коллективной памяти тайпов наблюдается в Чеченской Республике в постконфликтный период ее развития. Вероятно, здесь сказываются травмы депортации 1944 г., ход и последствия двух вооруженных конфликтов.

Первый и мощный всплеск интереса к истории и использованию тайповой идентичности в постсоветский период наблюдался во время правления Д.М. Дудаева в 1991–1994 гг. В то время созывались съезды тайпов, определялись границы их проживания, а в период боевых действий создавались подразделения по тайповому

признаку. Например, «Беноевский» и «Галанчоожский» полки. В то же время члены не только одного тайпа, но и одной семьи оказывались в различных политических лагерях: один/одни за независимую республику и не только словом, но и с оружием в руках, другой/другие за то, чтобы оставаться в составе Российской Федерации. Деление по линии горные–равнинные тайпы (первые за Д. Дудаева, вторые – преимущественно в оппозиции) тоже не работало, практически всегда человек сам, независимо от тайповой принадлежности, совершал политический выбор. Например, А.А. Кадыров, М.М. Сайдулаев, Р.Б. Ямадаев принадлежали к одному тайпу Беной, а Б.С-А. Гантамиров и А.А. Осмаев – тайпу Чинхой, при этом они разделяли диаметрально противоположные политические позиции.

После окончания активной фазы контртеррористической операции, в период установления стабильности и начала возрождения горной части республики обращение к истории тайпов начинается с новой силой. Причем этим стали заниматься не только историки-любители, но и профессиональные ученые, которые также принадлежат к какому-либо из тайпов республики.

В российской научной электронной библиотеке e-Library.Ru на сегодняшний день поиск по ключевому слову «тайп» обнаруживает 85 статей, в которых прямо или косвенно затрагиваются вопросы, связанные с историей, происхождением и расселением представителей тайпов. Различными авторами написаны статьи про тайпы Беной (8 публикаций), Гуной (9 публикаций), Белгатой (4 публикации), Цикарой, Элистанжой, Зандакой, Курчалой, Цонтарой, Чунгарой, Гордалой, Билтой, Ялхой. В меньшей степени представлены по этой теме монографии. Наиболее активно проблемой чеченского тайпа занимаются историки С.А. Натаев и Л.М. Гарсаев, исследователь А.З. Тесаев. По каждому чеченскому тайпу создана страница в интернет-энциклопедии «Википедия» (нарушает законодательство РФ), у многих из них созданы группы в социальных сетях, отдельные тайпы обладают сайтами, например, Акка, Терлой, Ваштарой/Вашендарой. На главной странице сайта вашендароевцев в обращении к читателям на чеченском языке подчеркнуто, что сайт создан не для того, «чтобы возвысить тайп или принизить его»¹. Его цель заключается в том, чтобы подрастающее поколение располагало знаниями о своем происхождении и родственных связях. Сайт предоставляет подробную информацию о подразделениях тайпа, населенных пунктах проживания его представителей, генеалогических древах семей. Он также содержит другие сопутствующие публикации и фотоматериал. Благодаря современным средствам коммуникации возобновляются связи между членами тайпов, живущими на равнине и в горах, за пределами республики. Представители тайпа Дишний в 2020 г. зарегистрировали Региональную общественную организацию Чеченской Республики «Представительство тейпа Дишний», и определенное время она размещалась в Доме печати в Грозном. Одним из видов деятельности этой организации было реагирование на искажение истории тайпа в публикационных материалах.

В настоящее время в чеченской историографии по теме тайпов насчитывается не более десяти монографий и книг. Шесть из них написаны учеными, имеющими степень, остальные – писателями, журналистами (А.Д. Кусаев, А.Х. Муцураев, Х.Р. Борхаджиев) и краеведами. Следует учитывать и то, что во многих работах, описывающих историю того или иного чеченского населенного пункта, обязательно будет отсылка

1. Ваштарой // URL: <https://vashandaro.com/> (Дата обращения 05 апреля 2023 г.)

к одному или нескольким тайпам, чьи представители проживают здесь.

Первой из таких книг постсоветского периода можно считать монографию «Акки и аккинцы в XVI–XVIII веках», изданную на основе кандидатской диссертации по истории А.А. Адилсултанова [23]. Цель работы, как ее формулирует автор, – попытка представления последовательной картины становления «аккинского этноса» (формулировка А. Адилсултанова – авт.) в XVI–XVIII вв., определения уровня развития социально-экономических и политических отношений в Акки (чеченское общество, локализуемое в Терско-Сулакском междуречье и на юго-западе Чечни). По мнению автора, аккинцы (ауховцы) упоминаются в письменных источниках с начала нашей эры. А. Адилсултанов решал большей частью не проблему происхождения самого общества Акки, а обоснования его проживания в Терско-Сулакском междуречье, которое сформулировано в заключении [23, с. 124]

В 1993 г. в Грозном была издана брошюра «Роль беноевского тайпа в истории чеченского народа». Автор – представитель тайпа Беной, историк, руководитель Архивной службы Чеченской Республики Ичкерия Д.А. Хожаев. В ней приведены краткие сведения о структуре тайпа, его происхождении, основании села Беной (более 1000 лет назад). В брошюре подчеркивается, что беноевцы – «истинные чеченцы», «самый крупный по численности, самый сильный и влиятельный тайп в Чечне» [24]. Помимо этого, Д. Хожаев утверждает, что вся история беноевского тайпа является неразрывной частью истории чеченского народа, ... «беноевцы никогда не шли за эгоистическими интересами отдельных групп» [24, с. 16]. Заключение автора – своего рода призыв к единению чеченцев после прихода к власти Д.М. Дудаева в 1991 г., тем более что и сам Д. Хожаев был активным политическим деятелем, сторонником независимости Чечни.

Большинство публикаций по истории тайпов построены по образцу брошюры Д. Хожаева. Как правило, описывается месторасположение населенного пункта (-ов) тайпа, его структурное деление (гары, неки (чеч.) – ветви, подветви), численность, влиятельность, проживание членов тайпа в республике и за ее пределами, начало его древней истории (чаще всего легендарное), участие в исторических событиях. Практически всегда и достаточно скрупулезно приводятся данные об известных членах тайпа – военных, ученых, спортсменах и т.д.

Историки и представители тайпа Беной Ш.А. Гапуров и Х.С. Умхаев опубликовали очерки, посвященные, как отмечено в предисловии, самому крупному и многочисленному чеченскому одноименному обществу. Ими проанализировано этнополитическое устройство Чечни в XVI–XVIII вв., дана характеристика всех обществ Ичкерии (Нохч-Мохк – чеч.), в которые входит и общество Беной, при этом отмечено, что история древних аульных поселений «начиналась в эпоху бронзы» [25, с. 4].

Рассмотрено участие Нохч-Мохка и Беноя в Кавказской войне, трагическая судьба Беноя в 1860-1870-х гг. – время восстаний, в которых беноевцы активно участвовали, движение Кунта-Хаджи², переселение в Османскую империю, разорение и депортация беноевцев. Также проанализированы восстания в Беное в 1920-1930-х гг., общественно-политические процессы в Чечне в начале XXI в. Авторы, исследуя проблему происхождения, отмечают, что первопредок тайпа переселился из Нашха (историческая область на юго-западе Чечни, откуда по преданию вышли многие чеченские тайпы)

2. Кунта-Хаджи (Кунта-Хаджи Кишиев, годом рождения называются 1800, 1812, 1815, 1830 гг. – 1867 г. Его мюриды считают, что шейх не умер, а «скрылся» и должен вернуться) – распространитель тариката кадырийа в Чечне, один из наиболее почитаемых религиозных деятелей Чечни и Ингушетии.

«примерно 1000 лет назад» [25, с. 220]. Гапуров и Умхаев перечисляют 11 беноевских селений (Беной, Беной-Ведено, Алхан, Гуржи-Мохк, Корен-Беной, Пачу, Стерч-Керч, Ожи-юрт, Оси-юрт, Денги-юрт, Булгат-Ирзу, Лам-Корц), компактно расположенных на юго-востоке Чечни. Также ими указано, представители каких гаров и неки (всего девять) – структурных подразделений тайпов – проживают в этих селах, приведены имена участников в Великой Отечественной войне и погибших в ходе военных действий в конце XX – начале XXI в. Авторы приводят имена известных людей – выходцев из этих сел, сведения по топонимии, религиозным культовым сооружениям – зийаратам. Беноевцы расселились практически по всей Чеченской Республике, большими общинами они представлены в городах Урус-Мартан, Шали, Аргун, сёлах Новые Атаги, Алды, Гойты, Алхан-юрт, Надтеречном районе и т.д. В книге приведены имена беноевцев – известных богословов, военных, деятелей науки и культуры, спортсменов. Особое внимание уделено первому президенту Чеченской Республики в составе Российской Федерации А.А. Кадырову и нынешнему главе республики – Р.А. Кадырову.

В ряду изданий по истории тайпов книги «Элистанжхой в истории и культуре чеченского народа (историко-этнографические очерки)» [26] и «Гуной в истории, культуре и политике Чечни. Историко-этнографические очерки» [27], на обзоре которых следует остановиться особо.

Во введении к книге «Элистанжхой...» автор отмечает, что работа посвящена генеалогии чеченского народа на примере исторического общества. Исследователем Л.М. Гарсаевым предпринята попытка реконструкции истории формирования общества Элистанжой. Общество имеет свою гору, на которую его представители переселились из Нашха. Автором излагается версия о названии общества от имени первого предка – Элсана, но есть и другие версии. Гарсаев полагает, что элистанжинцы последовательно заселяли равнину до Алдов, в результате основав сёла Хаттуни, Тевзана, Нижние Агишты, а также Устрада-эвла (г. Аргун) и Шали с другими первопроходцами из Нохчмоха [26, с. 43]. Основание же самого села Элистанжи Л. Гарсаев относит к XI в. В книге приведено подробное генеалогическое древо тайпа, пофамильные данные 76 элистанжинцев – участников Великой Отечественной войны, 45 из которых погибли или пропали без вести, а 31 вернулись живыми, двое защищали Брестскую крепость [26, с. 133–135]. Отмечено, что во время операции германского абвера «Шамиль» (лето-осень 1942 г.) ни один элистанжинец не пошел на сотрудничество с диверсантами, которых фашистское командование забрасывало в горные районы республики. Более того, в случае необходимости планировалось перенести подпольный обком КПСС именно в село Элистанжи. Также автором приведены данные о 12 уроженцах села, которые проходили службу в Афганистане в 1979–1989 гг. Здесь же приводятся данные, согласно которым из числа чеченцев, проходивших службу в ДРА, 293 человека были награждены государственными наградами.

Особое внимание Гарсаев уделяет периоду наведения конституционного порядка (1994–1996 гг.) и контртеррористической операции (1999–2009 гг.), приводит списки погибших от ковровой бомбардировки авиацией федеральных сил в октябре 1999 г., подробности убийства боевиками кадия села А-В. Мадагова, сотрудника МЧС А. Магомадова, а российскими военнослужащими – пятерых жителей села в июне 2001 г. [26, с. 182–183, 189–193]. Им подробно описана тяжелая повседневность элистанжинцев во время выселения в 1944 г., нахождения в Казахстане, возвращения в Чечню в 1957 г.

В главе «Известные люди из тайпа Элистанжхой» приведены данные о сотнях че-

ловек. Значительное место в главе занимает материал о элистанжинце, имаме шейхе Мансуре – руководителе восстания 1785–1791 гг. на Северном Кавказе. В приложении к книге приведен посемейный список жителей села Элистанжи за 1905 г. [26, с. 552–610].

Книга «Гуной в истории, политике и культуре Чечни. Историко-этнографические очерки» издана в 2021 г. и «посвящена истории одного из известных и влиятельных этнических обществ Чечни – тайпу Гуной» [27, с. 2]. Инициатива написания истории тайпа принадлежит Совету представителей тайпа Гуной, который создан 22 ноября 2015 г. из 12 человек-уроженцев 11 сел, где проживают представители тайпа, в том числе и с. Баммат-Юрт Республики Дагестан. Гунойцы проживают в 73 населённых пунктах Чеченской Республики, а также в Дагестане и Ингушетии. Написание истории тайпа авторами обосновывается не только с научной точки зрения, но и религиозной, со ссылкой на халифа Умара ибн ал-Хаттаба [27, с. 12].

В книге авторы обращаются к ставшим в последнее время популярными ДНК-исследованиям, сопоставляя их с результатами раскопок поселений известных в мировой науке археологических культур. Также они прибегают к публицистическим источникам, фольклору, теологии, религиозной софистике, данным информаторов-старожитов, родовым и семейным хроникам (тептарш), генеалогическим древам. Практически с самого начала авторы книги подчеркивают, что часть гуноевцев, не принявшая ислам, ушла к терским казакам и ассимилировалась с ними, хотя последние не имеют никакого отношения к зарождению тайпа Гуной.

Особое место в работе отводится взаимоотношениям тайпа Гуной с выдающимся религиозным деятелем шейхом Кунта-Хаджи, которого связывали тесные узы дружбы с местным жителем-гуноевцем Керимом. Представители тайпа Гуной по праву гордятся тем, что на территории их родового села Кунта-Хаджи вместе со своими сподвижниками впервые совершил круговой громкий зикр. Там же была похоронена его мать Хеда, на могиле которой сооружен зийарат, куда в течение всего года совершают паломничество тысячи мусульман республики и соседних регионов.

В отдельном параграфе рассматривается история формирования и расселения тайпа или, как пишут авторы, «этнического общества Гуной» [27, с. 54]. В состав нагорного родового кластера гуноевцев входят села Гуни, Автуры, Хажин-Эвла, Марзой-Мохк, Меседой. В древности же, согласно фольклорным источникам, гуноевцы жили на равнине Чечни вплоть до реки Сулак. Гуно (Гундал) – первопродок тайпа Гуной – выходец из местности Нашха, как и у большинства чеченских тайпов. Родовое древо гуноевцев от эпонима насчитывает сегодня 26-27 поколений, следовательно, село Гуни было заселено приблизительно в первой половине XIV в. Тайповой горой гуноевцев считается гора Эртан-Корт, ранее таковой считалась и гора в окрестностях с. Элистанжи. В книге предполагается, что основателями с. Чечен-аул были Гуной и Цонтарой, а Гуной основали и с. Алды.

В работе широко представлена топонимия гуноевских сел, исследована миграция Гуной из родового села в равнинные части Чечни, их обустройство в новых местах поселения. Отдельная глава посвящена участию гуноевцев в Великой Отечественной войне: из села на фронт ушли 125 человек (приведен список) [27, с. 245–251], вернулись живыми только 17 [27, с. 245]. Сельчане в память о них воздвигли обелиск. Авторами уделено внимание участию гуноевцев в событиях 1990–2000-х гг., значительная часть которых, следуя заветам почитаемых ими религиозных деятелей, не встали на путь вооруженной борьбы. Они же оказали жесткое сопротивление Ш. Басаеву и Хаттабу,

которые попытались разместить на горе Эртан-Корта военную базу, и вытеснили их из села [27, с. 279]. В книге также представлены подробные сведения о достижениях в политике, науке, культуре и спорте представителей тайпа Гуной. Подобный раздел становится обязательной частью описания любого тайпа.

Книга «Турти-Хутор зажигает звезды. Документальная повесть» [28] выстраивается вокруг жизни директора школы А.Б. Хатамаева. Наряду с этим в ней упоминаются сёла тайпа Аллерой (Мескеты, Согунты, Шовхал-Берд, Давлетби-Хутор, Бешал-Ирзу, Аллерой, Исай-юрт, Турти-хутор, Гансолчу, Аллерой в Курчалоевском районе), его известные представители. Указано время основания села – 1840 г., дана подробная топонимия населенного пункта. Здесь же авторы обращаются «к истории происхождения одного из крупнейших чеченских тайпов Аллерой» [28, с. 86]. Основателем тайпа считается Алл или Аллериш, живший в Нашхе (Моцарха) в конце XV – начале XVI в., который выселился с родней на восток в Нохч-Мохк и основал село Аллерой.

Журналист С. Баширов в статье «История тейпа Дишний и топонимия аула Эндирей», опубликованной в республиканской газете «Вести республики» в 2014 г., утверждает, что в «древности переселение нахоязычного племени дишнинцев с Ближнего Востока на Кавказ шло через Дербент», «возможно, во время этого переселения на Кавказ сначала было основано предгорное село Эндирей..., ...позже основан высокогорный Эндирей на территории нынешнего Итум-Калинского района, откуда дишнинцы начали расселяться по территории Чечни, Ингушетии, Осетии и Грузии», «в свое время тейп Дишний был влиятельным на Северном Кавказе». Автор доказывает, что известные деятели Кавказской войны Ташав-Хаджи, Оччар-хаджи, как и Башир-хаджи (Абу-шейх) – дишнинцы³. Большинство утверждений в статье являются, по меньшей мере, дискуссионными. Однако это не лишает их любопытного содержания и подтолкнет автора статьи и других исследователей к дальнейшему научному обоснованию. В статье сформулирован ряд положений по истории этого известного и многочисленного тайпа: нахоязычность, миграция с Ближнего Востока, основание известного в истории села Эндирей (ныне – Республика Дагестан), влиятельность на всем Северном Кавказе. Перечислены имена известных политических и военных деятелей – представителей тайпа.

В статье А. Усаева [7] рассматривается происхождение и расселение тайпа Курчалой, который, по мнению автора, начал формироваться как тайп в первые века II тысячелетия, относится к касте воинов и родственен, по некоторым данным, тайпу Орстхой. Автор согласен с преданиями о выходе предков тайпа из области Нашха. При этом основателем села Курчали он считает Курчалха – сына Кушула из Нашхи, который вернулся на земли своих предков, то есть не освоил новые земли, а вернул то, что принадлежало ему в ходе «чеченской реконкисты» (период возвращения чеченцев на равнину в XVI в.). Тайповая гора – неперенный атрибут коренного тайпа – «Курчалойн лам» – находится в Веденском районе. Тайп делится на ответвления (гары) – нижние, средние, верхние, которые, в свою очередь, подразделяются на более чем 22 неки. Автор приводит перечень населенных пунктов Чеченской Республики и Республики Дагестан, где живут Курчалой, а также священных мест (зийаратов), описывая краткие данные тех, в честь кого они сооружены.

Статья Д. Сайдумова сконструирована по тому же принципу, как и другие публика-

3. Баширов С. «История тейпа Дишний и топонимия аула Эндирей» // Газета «Вести республики», № 212 (2396), 2014.

ции по истории тайпов: происхождение, этимология названия, населённые пункты, где живут представители тайпа Белгатой, эпоним тайпа, чей внук переселился из Нашха, топонимия родового села. Вместе с тем автор считает, что попытки реанимировать единую тайповую организацию как неофициальный институт, конкурирующий с официальными институтами власти, приведет к стагнации общества и даже к его разделению. Однако нельзя игнорировать возможности и влияние тайпа. [29].

Генеалогия одного из крупных чеченских тайпов исследуется в статье «О генеалогии тайпа Цонтарой» [30]. Сделано это на основе сравнительного анализа устных преданий потомков Корни – одного из родоначальников структурного подразделения тайпа, посемейных списков жителей Ичкеринского округа за 1867 г. и посемейных списков селения 1886 г.

После стабилизации ситуации в Чеченской Республике официальные власти взялись за возрождение горных районов региона, к этой деятельности подключились и энтузиасты – выходцы из этих мест. По полевым данным, представленным Х. Яхьяевым, – сотрудником Аргунского музея-заповедника, который занимается одновременно и прокладкой дорог в горной Чечне, в исторической области Нашха бизнесмен Якубов Ш.Ш. (тайп Пешхой) построил комплекс в Пешха. Там же восстановлена мечеть и строится двухэтажный дом Тушаевым З. В с. Хийлах восстановлены мечеть и 5 жилых башен В.А. Агаевым (тайп Нашхо) – бизнесменом, депутатом Государственной Думы РФ. Оба бизнесмена скончались в 2021 г. В с. Хайбах по инициативе республиканских властей совместно с Региональным общественным фондом им. Героя России А. Кадырова восстановлены мечеть, боевая и две жилые башни, построен мемориальный комплекс на месте конюшни колхоза им. Берия, где во время депортации сожгли людей (некоторые авторы, в частности, И.В. Пыхалов отрицают сам факт события). В с. Хийжах, рядом с с. Хайбах, в 2023 г. планируется восстановление боевой и трех жилых башен. Восстановлены башни Бена-кха, откуда по преданию на новое место поселения ушел основатель тайпа Беной, и башня Венда, откуда вышел предок тайпа Гендаргенной. В с. Моцарой в 2016 г. три жилые башни восстановлены потомками тех, кто здесь жил, одна из них – писателем А.Т. Исмаиловым, в Нашхе восстановлена мечеть Х.С. Таймасхановым. В с. Чармах восстановлена мечеть, проректор ГГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова Р.Р. Салгириев восстановил жилую башню своих предков.

В с. Тийста представители тайпа Цонтарой восстановили жилую башню, где по преданиям жил их предок, Мударовы построили каменный дом на родовом участке. Выше с. Чармаха председатель Парламента ЧР М.С. Даудов соорудил боевую башню, представители тайпа Аллерой возвели жилую башню на месте, где жил их предок. В Могасте выходец из села построил дом и занимается здесь животноводством.

Потомки живших здесь людей восстанавливают историческую область Акка (юго-запад Чечни): Аккха-баса – восстановлена мечеть 1841 г., рядом построена жилая башня, Кербеча – потомок местных жителей возвел жилую и боевую башни, Мочча – на своем участке житель с. Янди отстроил дом. Планируется реставрация башни Дисхи. Ученый Д. К-С. Батаев на своем родовом участке в с. Ткуйиста построил небольшой дом и часто бывает здесь.

В исторической области Терлой А.Н. Мусаев и его однотайповцы возвели целый комплекс с мечетью, большим навесом, гостиничными номерами. Здесь (Эстага) каждый год проводятся сходы тайпа Терлой с приглашением представителей других тай-

пов республики, устраиваются свадьбы, конкурсы национальной кухни. Восстановлены мечети в с. Никарой, Ошни, а в Гуоро потомок местных жителей построил из камня дом наподобие замка, в Бара заканчивается восстановление боевой башни по заказу Министерства культуры республики. В местечках Кхоричу и Гимара построено по одному дому, уроженцы этих мест занимаются здесь животноводством.

Восстанавливаются и строятся заново не только жилые и боевые башни, но и устанавливаются памятники. Так, в 2015 г. в селении Нохчи-Келой Шатойского района на средства жителей установлен памятник односельчанам – участникам Великой Отечественной войны. Причем надпись на камне гласит, что «памятник построен на пожертвования тейпа Нохчи-Келой», а не жителей села.

Таким образом, вышеперечисленное указывает на возросшее значение тайповой идентичности в постконфликтный период развития Чеченской Республики.

Во-первых, это обусловлено тем, что в современном чеченском социуме традиции все еще обладают важной регулирующей функцией.

Сохранение чеченских традиций и, соответственно, коллективной памяти происходит внутри братства, или тайпа, который пусть и не существует как формальный институт общества, но занимает значительное место в повседневности республики. При этом в настоящее время тайп не обладает четкой регламентацией своего функционала, социальных ролей внутри сообщества, методов и средств деятельности, а также сформировавшимся набором санкций за отклонение в поведении.

Во-вторых, мобилизация чеченцев и их коллективной памяти с учетом тайповой принадлежности происходит в разные периоды постсоветской истории Чечни: в 1991–1994 гг. во время правления Д.М. Дудаева, когда акцент делался на «длинную» коллективную память о страданиях и угнетении (в частности, депортация 1944 г.), которые тем самым наделялись высокой социальной эффективностью; после окончания контртеррористической операции, в период установления стабильности и начала возрождения горной части республики, что обусловлено мобилизацией национальной истории.

В это время растет количество изданных книг, очерков, статей об истории тайпов. Востребованность фиксации зачастую дискуссионных фактов по истории того или иного тайпа чрезвычайно высока, она нередко вызывает споры внутри чеченского общества. Подобный «историографический всплеск» обусловлен еще и тем, что ранее информация о генеалогии, родственных связях передавалась, как правило, устно, что влекло за собой частичную потерю или неизбежное искажение передаваемых знаний. Так же по мере устной передачи история тайпа обрастала мифами и легендами. Тем не менее, практически во всех публикациях просматриваются реальные основания и ключевые точки коллективной памяти тайпов: генеалогия, тайповая гора, поселения-метрополии, близкие или родственные тайпы.

Наряду с этнографическими характеристиками тайпа важны были и антропологические особенности самоорганизации представителей тайпа в переломные периоды: военное время, депортация, реабилитация, распад СССР и последовавший вооруженный кризис в Чеченской Республике и сопредельных регионах.

В-третьих, в большинстве работ подчеркивается, что тот или иной тайп, его история – часть единого чеченского народа и общей истории. Значительное внимание уделяется участию представителей тайпа в Великой Отечественной войне – продолжение спора вокруг официальных причин депортации 1944 г. и восстановление в кол-

лективной памяти имен чеченцев-участников событий 1941–1945 гг. Также характерным является перечисление фамилий и кратких сведений о членах тайпа, достигших успехов в науке, спорте, военной сфере и т.д.

Наряду с этим институционализация коллективной памяти тайпа происходит с помощью возрождения родовых башен, сел, покинутых во время выселения 1944 г. и остававшихся безжизненными в течение более чем шестидесяти лет. Возрождение поддерживается республиканской властью, которая приветствует восстановление высокогорных районов – например, в районах Нашха и Пешха, организует его, и способствует прокладке дорог в сложных условиях. Однако взаимоотношения между властью и тайпом не являются предметом данного исследования, но актуализируют вопрос отношений между неформальными институтами и официальной властью.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ №23-28-01643 «Институционализация коллективной памяти в постконфликтный период в Чечне: динамика и закономерности».

Funding. The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation No. 23-28-01643 “Institutionalization of collective memory in the post-conflict period in Chechnya: dynamics and patterns”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Müller Jan-Werner (ed). *Memory and Power in Post-War Europe: Studies in the Presence of the Past*. New York: Cambridge UP, 2002.
2. Maier, Charles S. *The Unmasterable Past: History, Holocaust, and German National Identity*. Cambridge, MA: Harvard UP, 1988.
3. Halbwachs M. *On Collective Memory*. The University of Chicago Press, 1992.
4. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Helmke G., Levitsky S. Informal institutions and comparative politics: A research agenda // *Perspectives on politics*, 2004. Vol. 2. No 4. P. 725-740.
6. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследования и материалы. 1892-1894 гг. М., 2008. - 380 с.
7. Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. Чечено-Ингушское книжное издательство, 1962.
8. Усаев А.А. Историческое общество Курчалой // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2020. № 4 (51). С. 46–50.
9. Гарсаев Л.М., Гарсаев А.М. Этническое общество Элистанжой // *Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых*. 2014. № 12. С. 111–127.
10. Гапуров Ш.А., Гарсаев Л.М. Историческое общество Беной // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2015. № 3 (28). С. 22–28.
11. Манкиев А.А. Контрэкстремистский потенциал старочеченской социальной организации // *Таллам*. 2021. № 2 (23). С. 72–78.
12. Сайдаев И.В. Об этимологии этнонима «ГТумхой» в названии одного из чеченских тайпов («род») // *Архонт*. 2022. № 2 (29). С. 66–73.
13. Ибрагимов М.М. Исламизация Чечни на примере одного рода (тайпа) Гуной // *Ислам в духовном*
1. Müller Jan-Werner (ed). *Memory and Power in Post-War Europe: Studies in the Presence of the Past*. New York: Cambridge UP, 2002.
2. Maier Charles S. *The Unmasterable Past: History, Holocaust, and German National Identity*. Cambridge, MA: Harvard UP, 1988.
3. Halbwachs M. *On Collective Memory*. The University of Chicago Press, 1992.
4. *Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in High Cultures of Antiquity*. Moscow: Yaziki slavyanskoi kultury, 2004. (In Russ)
5. Helmke G., Levitsky S. Informal institutions and comparative politics: A research agenda. *Perspectives on politics*. 2004, 2(4): 725-740.
6. Dalgat BK. *Life of Clans and Customary Law of Chechens and Ingush. Studies and Materials. 1892-1894*. Moscow, 2008. (In Russ)
7. Mamakayev MA. *The Chechen Taip (clan) and its Decomposition*. Chechen-Ingush Book Publishing, 1962. (In Russ)
8. Usayev AA. The Kurchaloi Historical Society. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2020, 4(51): 46-50. (In Russ)
9. Garsayev LM., Garasayev AM. The Elistanzhoy Ethnic Society. *Izvestiya SOIGSI*. School of young scientists. 2014, 12: 111-127. (In Russ)
10. Gapurov ShA., Garsaev LM. Historical Society of Benoy. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2015, 3(28): 22-28. (In Russ)
11. Mankiev AA. Counter-extremist potential of Old Chechen social organization. *Tallam*. 2021, 2(23): 72-78. (In Russ)
12. Saydaev IV. On the etymology of the ethnonym Giumkhai in the name of one of the Chechen taips (“kin”). *Arkfont*. 2022, 2(29): 66-73. (In Russ)
13. Ibragimov MM. Islamisation of Chechnya by the example of one clan (taip) of Gunoy. In: R.M. Begeulov (resp. ed.). *Islam in the spiritual space of North Caucasus: History, Philosophy, Sociology. Materials of the All-Russian scientific*

пространстве Северного Кавказа: история, философия, социология. Материалы всероссийской научной конференции. Карачаево-Черкесский государственный университет / Отв. ред. Р.М. Бегеулов. 2011. С. 167–171.

14. Тесаев З.А. Колофон Корана 1911 года как источник по генеалогии чеченской общины Зандакой. // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 2. №4 (24). С. 392–396.

15. Альбеков Н.Н. Терминология «тайп» как междисциплинарное понятие // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2015. № 4 (29). С. 69–78.

16. Сайдумов Д.Х. К вопросу изучения чеченских тайпов: белгатай как один из составных элементов единого чеченского общества // Таллам, 2016. № 2 (11). С. 80–87.

17. АбуMuslimов А.А., АбуMuslimов А.И., Шуаипов К.А.-В., Тимералиев Ю.С., Цалаев И.Х., Абдулаев И.М., Исмаилов У.А. Генеалогия тайпа Цонтарой (Кюрни-неке – потомки Чаьлбига) // Таллам. 2016. № 1 (10). С. 7–14.

18. Сайдарханов А.М. Конституционно-правовые и социально-политические аспекты национальных типов местных сообществ // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 4 (24). С. 579–584.

19. Адуев В.А. Общественно-правовые институты чеченцев в средние века // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 4. С. 34–39.

20. Натаев С.А. Проблема чеченского тайпа в этнографических исследованиях кавказоведа Б.К. Далгата // Научная мысль Кавказа. 2015. № 4 (84). С. 67–72.

21. Жемчураева С.Ш. Тайповая идентичность молодежи Чеченской Республики в ракурсе социологического анализа // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13. Вып. 4.

22. Ильясов Л.М. Чеченский тейп // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. М., 2006.

23. Адилсултанов А.А. Акки и аккинцы в XVI–XVIII вв. Грозный, 1992.

24. Хожаяев Д. Роль беноевского тайпа в истории чеченского народа. Грозный, 1993.

25. Гапуров Ш.А., Умхаев Х.С. Беной в истории и культуре чеченского народа (Историко-этнографические очерки). Грозный: АО «Грозненский рабочий», 2016.

26. Гарсаев Л.М. Элистанжхой в истории и культуре чеченского народа (Историко-этнографические очерки). Грозный, 2017.

27. Ибрагимов М.М. Гуной в истории, политике и культуре Чечни. Историко-этнографические очерки. Грозный: Алеф, 2021.

28. Джунaidов А.С., Джунaidов А.С. Турги-Хутор зажигает звезды. Документальная повесть. Грозный: АО «Грозненский рабочий», 2018.

29. Сайдумов Д.Х. Тайп белгатай как неотъемлемая часть чеченского общества // Право и государство: теория и практика. 2017. № 5 (149). С. 29–35.

30. АбуMuslimов А.А., АбуMuslimов А.И., АбуMuslimова А.С. О генеалогии тайпа Цонтарой. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 3 (36). 2017. С. 17–28.

conference. The Karachay-Cherkessia State University. 2011: 167–171. (In Russ)

14. Tesaev ZA. The Qur'an Colophon of 1911 as a source for genealogy of the Chechen community of Zandakoy. *The Theory of Law and Interstate Relations*. 2022, 2(24): 392–396. (In Russ)

15. Albekov NN. Terminology «taip» as interdisciplinary concept. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2015, 4(29): 69–78. (In Russ)

16. Saidumov DKh. To the question of the study of Chechen taips: belgatoy as one of the constituent elements of a unified Chechen society. *Tallam*. 2016, 1(10): 80–87. (In Russ)

17. Abumuslimov AA., Abumuslimov AI., Shuaipov KA-V., Timeraliyev YS., Tsalaev IH., Abdulaev IM., Ismailov UA. Genealogy of Taip Tsontaroi (Kiorni-nek'e – descendants of Chaylbig). *Tallam*. 2016, 1(10): 7–14. (In Russ)

18. Saidarkhanov AM. Constitutional-legal and socio-political aspects of national types of local communities. *Bulletin of the North Caucasus Humanitarian Institute*. 2017, 4(24): 579–584. (In Russ)

19. Aduyev VA. Socio-legal institutions of Chechens in the Middle Ages. *North Caucasian Law Bulletin*. 2017, 4: 34–39. (In Russ)

20. Nataev SA. The Problem of the Chechen Taip in the Ethnographic Studies of the Caucasian Historian B.K. Dalgat. *Naychnaya Mysl Kavkaza*. 2015, 4(84): 67–72. (In Russ)

21. Zhemchuraeva SSh. Taip identity of the youth of the Chechen Republic in the perspective of sociological analysis. *Proceedings of the Saratov University. Sociology. Political Science*. 2013, 13(4). (In Russ)

22. Adilsultanov AA. *Akki and Akkins in the XVI-XVIII centuries*. Grozny, 1992. (In Russ)

23. Ilyasov LM. Chechen Teip. *The Chechen Republic and Chechens: History and Modernity: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. Moscow, 2006. (In Russ)

24. Khozhaev D. *The Role of the Benoy Taipa in the History of the Chechen People*. Grozny, 1993. (In Russ)

25. Gapurov Sh.A. and Umkhaev Kh.S. *Benoy in the History and Culture of the Chechen People (historical and ethnographic essays)*. Grozny: AO Groznensky Rabochiy publishing and printing complex, 2016. (In Russ)

26. Garsaev LM. *Elistanzhoy in the History and Culture of the Chechen People (Historical and Ethnographic Sketches)*. Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny. 2017. (In Russ)

27. Ibragimov MM. *Gumoy in the History, Politics and Culture of Chechnya. Historical and ethnographic sketches*. Grozny: Alef, 2021. (In Russ)

28. Dzhunaidov AS., Dzhunaidov AS. *Turti-Khutor lights the stars. Documentary story*. Grozny: Groznensky Rabochiy, 2018. (In Russ)

29. Saidumov DKh. Taip belgatoy as an integral part of Chechen society. *Law and the state: Theory and practice*. 2017, 5(149): 29–35. (In Russ)

30. Abumuslimov AA., Abumuslimov AI., Abumuslimova AS. On the genealogy of Taip Tsontaroi. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2017, 3(36): 17–28. (In Russ)

Поступила в редакцию 26.04.2023 г.

Принята в печать 29.08.2023 г.

Опубликована 15.12.2023 г.

Received 26.04.2023

Accepted 29.08.2023

Published 15.12.2023